

DOI 10.23859/2587-8344-2017-1-1-1

УДК 94(47).073

Ольга Юрьевна Солодянкина

доктор исторических наук, профессор

Череповецкий государственный университет

Череповец, Россия

olga_solodiantkin@mail.ru

Средиземноморский регион и образы Средиземноморья в деятельности иностранных гувернеров и гувернанток в Российской империи

Аннотация. В статье рассматривается деятельность гувернеров и гувернанток, выходцев из Средиземноморского региона, весьма немногочисленной группы в среде иностранных воспитателей, трудившихся в Российской империи, отзывы о профессионализме которых носили противоречивый характер. Итальянский язык нечасто входил в круг предметов, которые знали и могли преподавать иностранные учителя (необязательно итальянцы по происхождению). Посещение Средиземноморья могло быть частью образовательного заграничного турне, осуществляемого под надзором гувернера. Теплые средиземноморские страны посещали и в рамках «целительного тура» – как больные дети под присмотром воспитателей, так и больные взрослые, сопровождаемые детьми с их иностранными наставниками. Сам регион Средиземноморья, его пышная природа и богатая культура производили неизгладимое впечатление на всех, кто побывал там.

Ключевые слова: домашнее образование и воспитание, Российская империя, иностранные гувернеры, иностранные гувернантки, Средиземноморье, итальянский язык, межкультурное взаимодействие

Введение

Деятельность домашних наставников (гувернеров, гувернанток, домашних учителей и учительниц) традиционно привлекает внимание исследователей. Существует значительная историографическая традиция изучения деятельности своих соотечественников, трудившихся воспитателями в собственной стране (особенно обширна британская историография, концентрирующая прежде всего на исследовании феномена викторианской гувернантки) и за рубежом¹. Темой

---

¹ *Gathorne-Hardy J.* The Rise and Fall of the British Nanny. L.–Sydney–Auckland–Toronto, 1972; *Pitcher H.* When Miss Emmie was in Russia. English Governess Before, During and After the October Revolution. L.– Toronto, 1984; *Renton A.* Tyrant or Victim? A History of the British Governess. L., 1991; *Cross A.* Early Miss Emmies: British Nannies, Governesses and Companions

специальных коллоквиумов, конференций в последние годы стала деятельность французских гувернеров и гувернанток². Постепенно заполняется исследовательская ниша, связанная с изучением положения и деятельности иностранцев, в том числе трудившихся в сфере образования и воспитания³, в Российской империи. В данной статье в центре фокуса исследовательского внимания – гувернеры и гувернантки, домашние учителя – выходцы из региона Средиземного моря (за исключением южной Франции, поскольку французские наставники традиционно являются темой специального изучения), языки этого региона в процессе обучения детей русского дворянства, а также та роль, которую регион Средиземноморья играл в деятельности иностранных наставников – представителей других стран, трудившихся в России.

Основная часть

Образование и воспитание с использованием иностранных гувернеров и гувернанток было весьма популярным в дворянских семьях Российской империи. Обычно домашние учителя, гувернеры и гувернантки были уроженцами Франции, Швейцарии, Великобритании, немецких государств. Это было связано и с

---

in Pre-Emancipation Russia // *Anglo-Russica. Aspects of Cultural Relations between Great Britain and Russia in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries. Selected Essays by Anthony Cross.* Oxford–Providence, 1993. P. 222–244; *Hughes K. The Victorian governess.* L., 1993; *Hardach-Pinke I. Die Gouvernante: Geschichte eines Frauenberufs.* Frankfurt am Main, 1997; *Cross A.G. “By the banks of the Neva”: chapters from the lives and careers of the British in eighteenth-century Russia.* Cambridge, 1997; *Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век / Пер. с англ. Н.Г. и Ю.Н. Беспятых.* СПб., 2005; *Brandon R. Other People's Daughters: The Life and Times of the Governess.* L., 2008; *Holden K. Nanny Knows Best: The History of the British Nanny.* Stroud, 2013 и др.

² *Французский ежегодник 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. М., 2011; Le précepteur francophone en Europe XVIIe–XIXe siècles). Paris, 2013.*

³ *Дунин А. Гувернеры в старину в помещичьих семьях (Очерк) // Исторический вестник. 1909. Т. 117. С. 185–194; Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII века. М., 1997; Ржеуцкий В.С. Социальные сети во французском землячестве в России (вторая половина XVIII в.) // Франция и французы в Санкт-Петербурге, XVIII–XX вв. СПб., 2005. С. 293–314; Ржеуцкий В.С. Французские гувернеры в Академии Художеств. 1760–1770 годы // XVIII век как историко-культурный феномен (проблемы изучения). СПб., 2002. С. 65–74; Ржеуцкий В.С., Сомов В.А. Французы в России в эпоху Просвещения (материалы к истории русско-французских связей 1760–1780-х гг. из архива французского посольства в Санкт-Петербурге) // Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской Национальной библиотеки / Под ред. Л.И. Киселевой. СПб., 2001. С. 285–300; Солодянкина О.Ю. Иностранные гувернантки в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX века). М., 2007; Тихонова А.В. Швейцарские учителя в России первой половины XIX в. // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 142–147; Чудинов А.В. Французские гувернеры в России конца XVIII в.: стереотипы и реальность // Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С.Я. Карп, С.А. Мезин. М., 2004. С. 230–334 и др.*

высоким уровнем развития образования (как, например, в Швейцарии⁴), и с особенностями положения женщин и особенно молодых девушек (которые в случае недостатка или отсутствия наследуемых средств должны были сами зарабатывать себе на жизнь, и гувернерство было чуть ли не единственной возможностью более-менее приемлемого заработка⁵), и с популярностью иностранных языков, которым желало обучаться русское дворянство (при этом практически обязательным для дворянина был французский язык, на котором полагалось говорить с парижским прононсом)⁶.

Только немногие гувернеры и гувернантки, трудившиеся в России, были выходцами из Южной Европы, из региона Средиземноморья – это итальянцы, испанцы, греки. Такая особенность была заметна уже современникам. Как писал Д.П. Рунич, в первой четверти XIX в. бывший известным администратором в сфере образования, «дворянская семья, у которой не было гувернера или гувернантки французенки, считала себя несчастной. Немцев не любили; англичанок в России было мало. Из англичан в Москве были только одни барышники, торговавшие лошадьми, и лакеи. Из италианцев, за исключением двух или трех учителей пения, все остальные были бродяги, разносчики эстампов, зонтиков, пудры, помады и духов»⁷.

Эта картинка практически полного отсутствия представителей средиземноморского региона в педагогической профессии подтверждается и официальными

---

⁴ См. подробнее: *Водовозова Е.Н.* Как люди на белом свете живут. Швейцарцы. СПб., 1904; *Тихонова А.В.* Швейцарские учителя в России первой половины XIX в. // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 142–147.

⁵ См. подробнее: *Солодянкина О.Ю.* Социальное положение иностранных наставников в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2008. № 2. С. 10–24; *Ефимова Е.Ш.* Положение гувернанток и учительниц в Великобритании последней трети XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 23 (238). История. Вып. 47. С. 164–168.

⁶ См. подробнее: *Алексеев М.П.* Английский язык в России и русский язык в Англии // Ученые записки ЛГУ. Сер.: Филологические науки. Вып. 9. 1944. С. 77–137; *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) // Литературное наследство. Т. 91. М., 1982; *Жанэ Д.К.* Французский язык в России XVIII в. как общественное явление // Вестник Московского университета. 1978. Сер. IX: Филология. № 1. С. 62–70; *Argent G., Offord D., Rjéoutski V.* The Functions and Value of Foreign Languages in Eighteenth-Century Russia // *The Russian Review*. 2015. Vol. 74. No. 1. Pp.1–19; *Cross A.* English – A Serious Challenge to French in the Reign of Alexander I? // *The Russian Review*. 2015. Vol. 74. No. 1. Pp. 57–68; *Dahmen K.* The Use, Functions, and Spread of German in Eighteenth-Century Russia // *The Russian Review*. 2015. Vol. 74. No. 1. Pp. 20–40; *Offord D., Ryazanova-Clarke L., Rjéoutski V. and Argent G.* (eds), *French and Russian in Imperial Russia*. Edinburgh, 2015. 2 vols.

⁷ *Рунич Д.П.* Из записок Д.П. Рунича // *Русская старина*. 1901. № 1. С. 52.

ми данными: в материалах испытательных комитетов Санкт-Петербургского и Московского университетов, призванных проверять знания потенциальных гувернеров и гувернанток и выдавать им свидетельства на право преподавания в частных домах, имена представителей итальянских государств встречаются крайне редко, а об испанцах, португальцах и греках говорить и вовсе не приходится⁸.

Так, в 1835 г. получила свидетельство на право трудиться домашней учительницей французского языка сардинская подданная Мария Лиото, успешно прошедшая испытания в Московском университете⁹. В октябре 1845 г. сардинский подданный Генрих Монастье (Henri Monastie) обратился в испытательный комитет Московского университета с просьбой проверить его знания: он рассчитывал стать домашним учителем французского языка. По ходу испытания Монастье продемонстрировал очень хорошие познания в французском языке, достаточные – в истории и географии и порядочные познания в арифметике¹⁰.

Как видим, оба сардинца желали преподавать французский язык, понимая его исключительную востребованность на рынке образовательных услуг и слабый интерес к итальянскому языку. Необходимости обучаться испанскому и португальскому языкам, вследствие малого влияния этих стран на международной арене, у российских дворян не было вовсе.

В том же ключе почти за столетие до указанных сардинцев действовал и итальянец Вентури, содержавший в середине XVIII века частный пансион в Петербурге: в нем дворянских детей обучали французскому языку, а самым известным воспитанником был Николай Семенович Мордвинов (1754–1845), будущий адмирал¹¹.

Именно французскому, а не итальянскому языку обучал своего воспитанника Дмитрия Свербеева (1799–1874), впоследствии дипломата, Николай Иванович Бартоли, сын итальянца. Как впоследствии вспоминал ученик о своем наставнике, «иностранными языками владел <...> хуже, нежели русским; говорил по-французски со мною бегло, но правильно или нет – об этом у нас судить было некому»¹². Как видим, итальянец мог стать учителем французского языка, если

⁸ См. подробнее: *Солодянкина О.Ю.* Французские гувернеры и гувернантки в Московском и Петербургском учебных округах (1820-е – 1850-е гг.) // Французский ежегодник 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. М., 2011. С. 127–149.

⁹ Отдел хранения документов до 1917 года ГБУ «ЦГА Москвы» (ОХД до 1917 г.). Ф. 459. Оп. 1. Д. 4660. Л. 36 об.

¹⁰ ОХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 14. Д. 248. Л. 94–95.

¹¹ *Мордвинова Н.Н.* Воспоминания об адмирале Николае Семеновиче Мордвинове и о семействе его (Записки его дочери) // Записки русских женщин XVIII – первой половины XIX века / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Г.Н. Моисеева. М., 1990. С. 393.

¹² Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799–1826): В 2 т. Т. 1. М., 1899. С. 52.

он трудился в семье, где ученик был первым представителем, воспитывавшимся в соответствии с европейскими образовательными схемами, и некому было проверить подлинный уровень знаний учителя.

Орловский помещик Николай Гаврилович Левшин (1788–1845), вспоминая свое детство, в череде меняющихся гувернеров и гувернанток, учивших его вместе с братьями и сестрами французскому и немецкому языкам, указывал на итальянца Ранси, четвертого в списке наставников в провинциальной дворянской семье. По словам Н.Г. Левшина, Ранси был «невежда и неопрятный. Как теперь легко могу судить о бывших моих учителях, то он, вероятно, прибыл в Россию с канарейками, сурком или собаками»¹³.

Совершенно другие впечатления оставила о себе итальянская гувернантка Mlle Grisel (Анна Федоровна, как ее называли в России), трудившаяся в семье князя Николая Григорьевича Вяземского (1769–1846) и его второй жены Софьи Егоровны Паниной, в первом браке Беринг (ум. 1858). Mlle Grisel воспитывала княжну Анну, одну из дочерей Вяземских. В семье ценили итальянскую гувернантку, которая после ранней смерти воспитанницы (Анна умерла в шестнадцатилетнем возрасте) «на всю жизнь осталась в дружеских отношениях»¹⁴ с княгиней Софьей Егоровной, матерью воспитанницы. Бывшая гувернантка впоследствии вышла замуж за доктора Фейхтнера, жила в Петербурге (а Вяземские, хотя и владели имениями в Калужской губернии, предпочитали жить в Москве), где регулярно навещала младшую сестру князя Вяземского графиню Марию Григорьевну Разумовскую (1772–1865), известную своим радушием и страстью к развлечениям. Именно бывшая итальянская гувернантка Вяземских А. Фейхтнер присутствовала при кончине М.Г. Разумовской, как свидетельствовала внучатая племянница Разумовской и ее тезка Мария Григорьевна Назимова¹⁵.

Из региона Средиземноморья вела свое происхождение мадам Манзони, гувернантка Бориса Николаевича Чичерина (1828–1904), впоследствии известного юриста, историка, общественного деятеля либерального толка. По словам ее воспитанника, «она была какой-то смешанной народности; мать, по ее словам, была испанка, муж – итальянец. Родом она была, кажется, из Беарна или из баскских провинций, о которых всегда рассказывала с увлечением. Расставшись с мужем, она приехала в Россию искать счастья и попала в Тамбов, в частный

---

¹³ Домашний памятник Николая Гавриловича Левшина // Русская старина. 1873. Т. 8. № 12. С. 831.

¹⁴ Назимова М. Бабушка графиня М.Г. Разумовская. Страничка из воспоминаний // Исторический вестник. 1899. Т. 75. № 3. С. 841.

¹⁵ Там же.

пансион госпожи Фицтум, откуда перешла к нам»¹⁶. Гувернантка произвела на все многочисленное семейство Чичериных неизгладимое впечатление: «Это была особа средних лет, весьма неглупая, очень бойкая, с светскими формами и привычками, лихая наездница, притом очень занята собой, несмотря на довольно толстый нос, безобразивший ее лицо. Красуясь своими длинными белокурыми волосами, она всегда носила необыкновенные прически; утром она являлась к уроку вся в папильотках, а свою косу она громоздила в виде высокого конуса или башни, на что употреблялось довольно много времени и что приводило в отчаяние служившую ей горничную, которая никак не умела ей угодить. Характера она была капризного и имела разные причуды: она уверяла, что не может видеть жабу и арбуз, не падая в обморок. Когда случалось, что летом за столом при ней подавали арбуз, она вскакивала и стремглав убегала в свою комнату, так что ее уже заранее предупреждали о появлении этого злокозненного фрукта. А во время вечерних прогулок она каждую прыгающую лягушку принимала за жабу и кидалась из стороны в сторону в неистовых припадках»¹⁷. Б.Н. Чичерин отмечал как положительные качества воспитательницы, прежде всего ее стремление пробудить любовь и привычку к чтению серьезной литературы, так и мелочность и придирчивость ее характера. Однако общая оценка деятельности этой гувернантки была высокой: «Не только она нас школила и приучала к дисциплине, но, несмотря на свой капризный характер, она была хорошая учительница. Мы скоро привыкли болтать и даже, что гораздо важнее, правильно писать по-французски»¹⁸. Отметим, что и в случае Чичериных главным преподаваемым предметом был французский язык.

Очевидно, что столь малого количества свидетельств недостаточно для полноценной оценки качеств итальянских воспитателей, но вывод о малом присутствии итальянцев (или других выходцев из региона Средиземноморья) в педагогической профессии можно сделать однозначный.

Что касается преподавания итальянского языка, то стоит обратить внимание на два примечательных факта. В 1832 г. в испытательный комитет Санкт-Петербургского университета с просьбой проверить ее знания и разрешить трудиться домашней учительницей обратилась швейцарка, вдова Жени Гишар, урожденная Жоли, желавшая наравне с французским преподавать итальянский язык¹⁹. В 1833 г. с просьбой проверить ее познания в французском, немецком и итальянском языках в тот же комитет обратилась француженка Жозефина Фюзэ

¹⁶ Чичерин Б.Н. Воспоминания // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв. IX. М., 1999. С. 136.

¹⁷ Там же. С. 136–137.

¹⁸ Там же. С. 138.

¹⁹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 24. Д. 502.

де Вуазенон²⁰. Однако, судя по документам, познания гувернанток в итальянском языке не проверялись, и каждая получила свидетельство на право преподавания меньшего количества языков, чем она заявляла: Мадам Гишар могла преподавать французский²¹, а Мадам де Вуазенон – немецкий и начала французского языка²². И вряд ли это отсутствие проверки знаний именно итальянского языка можно считать случайным: во всех остальных случаях, как подтверждают архивные документы, проверяли все заявленные языки. При этом в составе испытательного комитета университета были лекторы французского, немецкого и английского языков, но лектора итальянского языка не было. Можно предположить, что итальянский язык и не планировали проверять.

Невзирая на кажущуюся непопулярность итальянского языка, мы можем привести целый ряд случаев, когда итальянский язык у тех или иных дворянских детей (прежде всего аристократов) входил в программу обучения (естественно, в комплексе с другими иностранными языками). Итальянский язык мог осваиваться в качестве дополнительного языка в процессе обучения, но не был основным, поскольку эту роль играл французский.

Так, уже в конце XVII в. из Италии в Москву князь Юрий Юрьевич Трубецкой (1668–1739), известный государственный деятель, впоследствии сенатор, вывез И. Гагина, учившего французскому и итальянскому языкам²³. Известно, что князь легко изъяснялся с иностранцами именно на итальянском, о чем писал посетивший Россию в то время голландский художник, этнограф Корнелий де Бруин (1652–1727)²⁴. Итальянский язык (в добавление к французскому и немецкому) осваивала и дочь Петра Первого Елизавета (1709–1761). Леди Рондо писала о цесаревне Елизавете в 1733 г.: она «говорит по-немецки, по-французски и по-итальянски, чрезвычайно весела, беседует со всеми, как и следует благовоспитанному человеку, – в кружке»²⁵. Итальянский язык входил в программу обучения графини Екатерины Романовны Воронцовой (1743/4–1810), в замужестве княгини Дашковой, впоследствии президента Петербургской Академии наук, и ее кузины графини Анны Михайловны Воронцовой (1743–1769). Как вспоминала впоследствии сама княгиня, «Дядя (имеется в ви-

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 24. Д. 635.

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 24. Д. 502. Л. 4.

²² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 14. Д. 635. Л. 5.

²³ Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII века. М., 1997. С. 355.

²⁴ де Бруин К. Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 52.

²⁵ Рондо. Письма дамы, прожившей несколько лет в России, к ее приятельнице в Англию // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы) / Сост., вступ. ст., коммент. Е. Анисимова. Л., 1991. С. 211.

ду канцлер Михаил Илларионович Воронцов (1714–1767) – *О.С.*) не жалел никаких средств, чтобы дать своей дочери и мне лучших учителей и, согласно взглядам того времени, мы получили прекрасное образование; знали четыре языка, особенно хорошо французский, итальянский, немецкий и один древний. <...> Мы прекрасно танцевали, немного рисовали, к тому же обе обладали приятной наружностью, изысканными и любезными манерами, неудивительно, что нас считали хорошо воспитанными девицами»²⁶.

В соответствии с текстом договора, заключенного 5 мая 1761 г. между французом де Пексонем, наставником девятилетнего Юрия Нелединского-Мелецкого, впоследствии известного литератора, и бабушкой воспитанника, мальчик осваивал «есть ли будет требовано», т.е. не в обязательном порядке, итальянский язык (французский же был зафиксирован как обязательный предмет преподавания):

«Я нижеподписавшийся обязуюсь в доме ея превосходительства Анны Ивановны Нелединской-Мелецкой обучать внука ея со всяким усердием, а именно французскому языку со основанием и правописанию, арифметику и подобные приличные науки, как хронологию, историю древнюю и временную, географию и познание сферы, итальянский язык и латинский язык, есть ли будет требовано. <...> По окончании всякого году имею просить, дабы порученной в мое воспитание юноша был приятелями дому в своих приобретениях освидетельствован, чрез что заслужить милости уповаю»²⁷.

В комплексе с другими языками осваивал итальянский язык, итальянскую литературу и князь Петр Андреевич Вяземский (1792–1878), впоследствии известный поэт. Как признавался сам Вяземский, среди его наставников наибольший след оставил француз Дандилли, и в целом «ум мой был воспитан и образован во французской школе. Я учился и другим иностранным языкам, занимался по временам немецкою, английскою, итальянскою литературою, но все это были более или менее случайные знакомства. Связь моя укрепилась с одною французскою литературою, особенно минувшего столетия»²⁸.

Целому ряду языков, в том числе итальянскому, испанскому, греческому и турецкому, судя по тексту поданного в газету «Московские ведомости» в 1785 г. объявления, предлагал обучать своих воспитанников «недавноприбывший в Москву Антон Ле Мер (Le Maire), из г. Люневиль во Франции», который желал «получить место в публичной школе или в частном доме, чтобы учить следую-

²⁶ Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России / Под общ. ред. С.С. Дмитриева. М., 1991. С. 41.

²⁷ Нелединский-Мелецкий Ю.А. Очерки его жизни, бумаги и переписка его // Русский архив. 1867. № 1. Стб. 106–107.

²⁸ Вяземский П.А. Автобиографическое введение // Вяземский П.А. Записные книжки / Сост., вступ. ст., коммент. и имен. указ. Д.П. Ивинского. М., 1992. С. 315.

щему: французскому, немецкому, итальянскому, польскому, английскому, шведскому, испанскому, латинскому, греческому и турецкому языкам; кроме того, географии, истории, мифологии, арифметике, геометрии, тригонометрии, алгебре, высшей математике, фортификации, артиллерии, химии, логике, метафизике, правоведению, навигации и гидравлике. Сверх этого он знает еще разные искусства, например: делает из сломанного фаянса (fayence) самый лучший фарфор и др. вещи, принадлежащие к химии. Он может преподавать рисование, играть на фортепиано, пению и удивительно легко волтижирует»²⁹.

Легко себе представить, что невежественные родители XVIII в. верили, что все это изобилие знаний и навыков в объеме, достаточном для преподавания, может усвоить один человек, и по контрасту с Ле Мером всех остальных потенциальных учителей, не обладавших таким универсализмом, считали негодными для обучения своих отпрысков. А столетие спустя, в момент повторной публикации объявления, такой «энциклопедизм» вызывал усмешку, недоверие и пренебрежение к предкам, не умевшим отличить истинное знание от претензии на него. Гораздо более реалистичными выглядят преподавательские возможности трудившегося в течение многих лет в семье Николевых гувернера-эмигранта Рипомонти: он занимался воспитанием младшего сына, нескольких дочерей и жившей в семье девицы Елизаветы Яковлевой, уча их французскому и итальянскому языкам, а также «прочим наукам, даже религии. Он наблюдал за их нравственностью, работами, играл с ними»³⁰.

В объявлении «многознающего учителя» Антона Ле Мера сомнительным выглядит не знание нескольких иностранных языков (человек ведь может быть полиглотом!), а претензия на преподавание немислимо большого количества наук и искусств. О гувернантке-полиглоте баронессе Прайзер, урожденной Паттен, пишет Марта Вильмот, гостившая в доме княгини Е.Р. Дашковой в 1803–1808 гг. «Дед ее был, по-моему, пэром и сторонником династии Стюартов. Баронесса Прайзер чрезвычайно некрасива и кажется жеманной, но это лишь первое впечатление. Побеседовав с ней несколько минут, вы понимаете, что это необычайно умная, тонко чувствующая, одухотворенная, способная верно обо всем судить женщина (все эти качества проявились даже во время короткого визита). К тому же оказалось, что она в совершенстве владеет восемью языками: английским, французским, итальянским, немецким, русским, финским, голландским и в довершение всего *латынью*, и, конечно, вследствие этого ваше первое впечатление сменяется чувством искреннего восхищения и

²⁹ Многознающий учитель-иностранец. «Московские ведомости» 1785 г. // Русская старина. 1887. Т. 54. № 4. С. 240.

³⁰ Черты старинного дворянского быта. Воспоминания Марьи Сергеевны Николевой // Русский архив. 1893. Кн. 3. № 9. С. 116.

уважения. Баронессе Прайзер волею несчастных обстоятельств пришлось служить гувернанткой в двух или трех семьях»³¹. Однако мы не знаем, действительно ли баронесса Прайзер преподавала все известные ей языки, или родители ее воспитанников ограничились традиционным французским, в крайнем случае английским или немецким (что гораздо более вероятно).

Итальянский был и среди тех языков, которыми владела англичанка Элизабет Стивенс (ум. 1816). Известный англоман Андрей Афанасьевич Самборский, бывший духовник при русском посольстве в Англии и духовный наставник великих князей Александра и Константина Павловичей (а также их учитель английского языка), в 1790 г. устроил миссис Стивенс гувернанткой в дом графини Екатерины Петровны Шуваловой (1743–1816), влиятельной придворной статс-дамы, к ее младшей дочери Александре (1775–1847). Элизабет была замечательной музыкантшей, арфисткой и певицей³², но для семьи Шуваловых главным было ее знание французского языка и прекрасные манеры.

Итальянский (наравне с французским и немецким) входил в число предметов, которые была готова преподавать еще одна музыкантша и певица, Шарлотта Moreau de la Meltière (ум. 1854), французская писательница, переводчица с русского языка, знакомая В.А. Жуковского по Муратову, имению его единокровной сестры Е.А. Протасовой³³. Мадам Моро, в частности, была гувернанткой сестер Натальи (1829–1913) и Елены (1827–1871) Тучковых в 1840 г. в Москве. Однако и в этом случае востребованным оказался только французский язык гувернантки, о которой ее воспитанница Наталья Тучкова вспоминала следующим образом: мадам Moreau de la Meltière, «хитрая и большая говорунья», с детьми «скучала и предпочитала разговаривать со старшими, в особенности с моим отцом, в совершенстве владевшим французским языком. <...> При отце называла нас “ces pauvres petits anges”, а в его отсутствие вовсе не обращала на нас внимания»³⁴.

Под влиянием изучаемых языков, прочитанных иностранных книг у дворянских детей формировалась многослойная картина мира, включавшая в себя части, характерные для разных культур. Наиболее очевидным результатом был процесс смешивания языков в процессе речевого общения. Так, гостившая в

³¹ Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России / Под общ. ред. С.С. Дмитриева. М., 1991. С. 393–394.

³² См.: Луковская Д.И., Гречишкин С.С., Морозов В.И. М.М. Сперанский: краткий очерк жизни и деятельности // М.М. Сперанский: Жизнь, творчество, государственная деятельность: (Сборник статей). СПб., 2000. С. 11.

³³ В.А. Жуковский – А.Ф. Воейкову. 13 февр. 1814 г. // Русский архив. 1900. Кн. 3. № 9. С. 20.

³⁴ Тучкова-Огарева Н.А. Воспоминания / Вступ. статья, редакция и примеч. С.А. Переселенкова. Л., 1929. С. 35–37.

доме княгини Дашковой британка Кэтрин Вильмот заметила, что с годами для княгини стало «все равно – говорить по-французски, по-русски или по-английски, и она постоянно смешивает эти языки в одном предложении. Княгиня говорит по-немецки и по-итальянски тоже хорошо, но тут ее нечеткое произношение не дает возможности наслаждаться беседой»³⁵. Выросшая с итальянскими, французскими и английскими гувернантками Анна Оленина, дочь Президента Академии художеств А.Н. Оленина, в своем дневнике вставляла слова из разных языков, в зависимости от описываемого сюжета: «итак, она принуждена забыть // To love, d'aimer, amar, любить, // Заняться просто садом, // Садить капусту «рядом», // Расходы дома проходить // И птичий двор свой разводить»³⁶. Семья графов Бутурлиных, где дети рождались в интервале от 1794 до 1813 г., также демонстрировала пестроту иностранных влияний. По свидетельству Михаила Дмитриевича Бутурлина (1807–1876), он и сестра Елена «обританились», «чем и остались навсегда; в старших же наших сестрах сохранился колорит (если так могу выразиться) офранцузенного их воспитания, с незначительной примесью итальянского»³⁷. О самом себе Бутурлин писал так: «По воспитанию я был космополит (скорее однако же Англичанин, чем что другое), свободно писал вирши по-английски и по-итальянски и плоховато говорил на родном своем языке»³⁸. Проведя все детство в Италии под присмотром британских гувернеров, в 1830 году он вернулся в Россию и поступил на военную службу: «Я начинал постепенно понимать свою, так сказать, чудовищность в окружавшей меня Русской стихии, в которой я был нечто в роде полу-Итальянца и полу-Британца, и подчас стыдился своего космополитизма и слабого знания отечественного языка и обычаев»³⁹.

Таким же космополитом по воспитанию с мощной «прививкой» именно итальянской культуры был князь Александр Никитич Волконский (1811–1878), сын знаменитой княгини Зинаиды Александровны Волконской (1789–1862), которая значительную часть жизни провела в Италии, приняла католицизм, а на ее вилле в Риме побывали многие деятели русской культуры. По просьбе З.А. Волконской известный французский педагог, много трудившийся в России, аб-

---

³⁵ Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России / Под общ. ред. С.С. Дмитриева. М., 1991. С. 296.

³⁶ Оленина А.А. Дневник. Воспоминания / Вступ. статья В.М. Файбисовича. Сост., подг. текста, коммент. Л.Г. Агамалян, В.М. Файбисовича, Н.А. Казаковой, М.В. Арсентьевой. СПб., 1999. С. 62.

³⁷ Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина // Русский архив. 1897. Кн. 1. № 4. С. 633.

³⁸ Там же. Кн. 2. № 6. С. 188.

³⁹ Там же. № 7. С. 345.

бат Николь (1758–1835)⁴⁰, составил план воспитания юного князя Волконского⁴¹. Детальный план воспитания был рассчитан на 12 лет и предполагал изучение классических языков и текстов, современных языков, прежде всего русского и французского, а также (в меньшем объеме) итальянского, английского и немецкого. Образовательная программа включала изучение разнообразных наук. Для завершения обучения предлагалась насыщенная программа путешествий с посещением главных городов Италии (наравне с Германией и Великобританией). Княгиня Волконская следила за реализацией этого плана; современники считали, что ее сын Александр вырос очень образованным человеком и с успехом служил на дипломатическом поприще, был посланником (с 1858 – в Саксонии, с 1860 – в Неаполе, с 1862 – в Испании). Его интерес к культуре, прежде всего итальянской, выразился в коллекционировании произведений искусства и написании книги «Рим и Италия средних и новейших времен, в историческом, нравственном и художественном отношениях»⁴².

В космополитическом духе, с периодами длительного пребывания за границей, шло воспитание и Ольги Николаевны Смирновой (1834–1893), дочери известной красавицы Александры Осиповны Смирновой (урожденной Россет) (1809–1882), близко знавшей и Пушкина, и Лермонтова, и Гоголя, и Тургенева, других российских литераторов. Воспитывавшаяся англичанкой Мэри Овербек Ольга Смирнова в 5 лет читала по-английски и «научилась писать по-итальянски ранее чем по-русски»⁴³, а затем освоила и испанский язык.

Знание итальянского могло потребоваться дворянину и особенно дворянской девушке, если они интересовались музыкой: самые популярные песни надо было исполнять по-итальянски, как они и были написаны, а наиболее посещаемыми оперными театрами в России длительное время были те, где выступала итальянская труппа, исполнявшая оперы итальянских композиторов. Если как домашние учителя итальянцы ценились слабо, и их квалификацию в итальянском языке не могли проверить даже в императорских университетах (за отсутствием и там специалистов по итальянскому языку), обязанных тестировать будущих домашних педагогов, то как учителя музыки и рисования итальянцы бы-

⁴⁰ См. подробнее: *Ноткина О.Ю.* Аббат Николь – первый директор Ришельевского лицея. Библиографический указатель // Вестник Одесского национального университета. 2007. Т. 12. № 4. С. 96–107.

⁴¹ Записка аббата Николя о воспитании молодого князя А.Н. Волконского // Русский архив. 1895. Кн. 1. № 4. С. 486–493.

⁴² *Волконский А.Н.* Рим и Италия средних и новейших времен, в историческом, нравственном и художественном отношениях // Соч. кн. А. Волконского, чл. Римск. Аркадск. акад. Ч. 1–2. М., 1845. 2 т.

⁴³ *Смирнова А.О.* Записки, дневники, воспоминания, письма / Под ред. М.А. Цявловского. М., 1929. С. 367.

ли вне конкуренции. Обычно выходцы из Средиземноморья были особенно музыкальны, и давали детям уроки музыки, используя песни своей родины и произведения итальянских композиторов. Прасковья Николаевна Татлина (1808–1899) с гордостью вспоминала, что ее дочь за особые способности взяли воспитывать в семью генерала – начальника ее мужа, и в этой семье гувернанткой трудилась приглашенная из Италии учительница пения. Дочь Татлиной благодаря этой гувернантке получила прекрасное музыкальное образование⁴⁴.

Образы живописных средиземноморских стран возникали на уроках рисования, когда дети пытались изобразить яркие южные пейзажи, столь отличные от более скромных образов российской природы. Увлекательные рассказы о прекрасных южных странах выглядели невероятным контрастом, выдумкой на фоне холодного русского климата. Даже гувернеры и гувернантки из других стран, но пожившие в Италии, остро тосковали в России по теплу, солнцу, ярким краскам Италии. А вдруг наступивший летний зной в России напоминал солнечную Италию, как и шум ветра за окном подмосковного имения – шум волн в итальянском Леричи. Так, Клер Клермонт (1798–1879), англичанка, сводная сестра Мери Шелли и бывшая любовница Байрона, в 1820-е годы трудившаяся в России гувернанткой, 16 мая 1825 г. сделала запись в своем дневнике: “No rough wind, the air was soft and balmy as in Italy. The weather was truly delightful”⁴⁵. 21 мая последовала новая ностальгическая запись: “I sat at my window this morning, and listened with melancholy pleasure to the sound of the wind among the neighbouring trees – it recalled to my mind the breaking waves upon the shores of Lerici”⁴⁶. Ту же тоску по Италии мы слышим и в письмах Клер: “and the few traces of beauty the trackless wilds, which are spread all over Russia, afford, send my soul, on the wings of a thousand desires, back to the rich, luxurious bosom of Italy”⁴⁷.

Оценивая степень иностранных влияний и пытаясь вычленить в них средиземноморскую компоненту, полезно прислушаться к мнению французского гувернера в семье генерал-аншефа Н.И. Салтыкова Ш. Массона (1762–1807), который писал, что русский дворянин «действительно обладает большими способностями сливаться во мнениях, нравах, манерах и языке с другими нациями. Он будет фриволен, как прежний французский петиметр, будет сходить с ума от музыки, как итальянец, будет рассудителен, как немец, своеобразен, как ан-

⁴⁴ Воспоминания Прасковьи Николаевны Татлиной (1812–1854) // Русский архив. 1899. Т. III. № 10. С. 200.

⁴⁵ *Stoking M.K.* (ed.) *The Journals of Claire Clairmont. 1814–1827.* Cambridge, 1968. P. 310.

⁴⁶ *Ibid.* P. 314.

⁴⁷ Letter of Claire Clairmont to Jane Williams. April 29th. 1825 // *Stoking M.K.* (ed.) *The Clairmont correspondence: letters of Claire Clairmont, Charles Clairmont, and Fanny Imlay Godwin.* Vol. 1. 1808–1834. Baltimore & L., 1995. P. 221.

личанин, низок, как раб, и горд, как республиканец. Вкусы и характер он будет менять так же легко, как моды, и, несомненно, эта физическая и умственная гибкость – его отличительная черта. <...> Русские вообще любят учиться и уважают иностранцев, которых ненавидят только необразованные да завистливо соперничающие с ними»⁴⁸. Как видим, по мнению Массона именно музыкальность являлась характерной чертой итальянского влияния, и гувернантки, наравне с другими языками владевшие и итальянским языком, чаще других были прекрасными музыкантшами, как об этом говорилось в приведенных ранее примерах.

Итальянские и испанские гувернеры использовали идеи традиционных костюмов своей родины для детских маскарадов. Уже упоминавшаяся гувернантка Чичериных мадам Манзони, родом предположительно из басков, для бала придумала составить кадрили из двух пар детей, одетых басками: в черных курточках, в плотно облегающих коротких штанах телесного цвета, стянутых пряжкой под коленом, один мальчик – в красных, другой – в голубых шелковых чулках, с таких же цветов жилетами и вязаными шапочками, оба в крошечных круглоносых башмачках с помпончиками. Гувернантка объявила и родителям, и их детям, что это чрезвычайно красиво⁴⁹. И, конечно, ей было приятно увидеть учеников в национальных костюмах своей родины, которую она давно покинула, хотя бы на стадии примерки костюма и репетиции, поскольку маскарад в последний момент был отменен.

Средиземноморский регион мог быть целью заграничного путешествия, которое часто завершало образование молодого человека⁵⁰. Одно из первых путешествий такого рода совершил юный граф Алексей Разумовский, сын последнего украинского гетмана Кириллы Разумовского – в 1760-е гг. он вместе с отцом поехал в Италию под надзором гувернеров, страсбургского профессора поэта Николаи и некоего француза Кронье⁵¹. Впоследствии граф А.К. Разумовский (1748–1822) стал министром народного просвещения, а Италия стала традиционной частью образовательного путешествия русского дворянина⁵².

---

⁴⁸ Массон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. Наблюдения француза, жившего при дворе, о придворных нравах, демонстрирующие незаурядную наблюдательность и осведомленность автора. М., 1996. С. 137.

⁴⁹ Чичерин Б.Н. Воспоминания. С. 137–138.

⁵⁰ См. подробнее: Абрамова И.И. Значение «Гранд-тур» в образовании и воспитании джентльмена // Ярославский педагогический вестник. 2006. № 3. С. 75–82; Grand Tour: путешествие как культурный феномен / Сост. и общ. ред. В.П. Шестакова. СПб., 2012.

⁵¹ См.: Васильчиков А.А. Семейство Разумовских: В 5 т. Т. 2. СПб., 1880. С. 11–12.

⁵² Стефко М.С. Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII – первой четверти XIX веков: автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.

Многие российские дворянские семьи значительную часть времени проводили за границей, а если дети были маленькими, то в такие поездки отправлялись вместе с гувернерами и гувернантками, как это делала княгиня Трубецкая, дочерей которой воспитывала M-lle Michel. Уроженка Меца M-lle Michel воспользовалась таким длительным пребыванием в Италии, чтобы выучить итальянский язык: любое дополнительное знание, как и опыт воспитательной деятельности и длительного пребывания за границей, повышали конкурентоспособность гувернантки / гувернера. О высоких профессиональных качествах M-lle Michel писала одна из ее учениц, Н.А. Тучкова: она «была далеко недюжинная натура: очень образованная и начитанная, она знала хорошо три языка и литературу, не говоря уже о французской, но и немецкую, и английскую. <...> Находясь часто в Италии с семейством княгини Трубецкой, она изучала и итальянский диалект»⁵³.

Мог быть и печальный вариант, когда гувернантка или гувернер сопровождали своего больного туберкулезом воспитанника на берега теплого Средиземного моря, подальше от холодных русских зим, в надежде на излечение. Довольно долго жила вера в целительную силу швейцарского винограда, теплого воздуха французских коровников и мягкого приморского воздуха Италии. Сколько юных русских дворян закончили свои дни во время таких поездок, так и не оздоровившись! Среди них, например, дочь поэта П.А. Вяземского княжна Прасковья Вяземская (1817–1835), умершая от чахотки в Риме. Она была похоронена на некатолическом кладбище в районе Тестаччо⁵⁴, специально открытом в 1821 г. из-за роста числа случаев смерти иностранцев-некатоликов, и могила П.П. Вяземской стала местом паломничества: ее посещали и княгиня З.А. Волконская, и Н.В. Гоголь⁵⁵. Другим местом захоронения умерших русских дворян, скончавшихся во время заграничного путешествия, стало кладбище в Ливорно,

⁵³ Тучкова-Огарева Н.А. Воспоминания. М., 1959. С. 384–385.

⁵⁴ Подробнее см.: Тестаччо. Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме. Алфавитный список русских захоронений / Сост. В. Гасперович, М.Ю. Катин-Ярцев, М.Г. Талалай, А.А. Шумков. Сер.: «Российский некрополь». Вып. 6. СПб., 1999.

⁵⁵ Н.В. Гоголь 25 июня 1838 г. писал князю П.А. Вяземскому: «Еще не так давно был я вместе с княгиней Зин<аидой> Волхонской на знакомой и близкой вашему сердцу могиле. Кусты роз и кипарисы растут; между ними прокрались какие-то незнакомые два-три цветка. Я уважаю те цветы, которые вырастают сами собою на могиле. Мне все кажется, то это речи усопшего к нам, но мы глядим, силимся и не можем понять их. Потом я был еще один раз с одним москвичом, знающим вас – и вновь уверился, что эта могила не сирота: в Италии нельзя быть сиротою ни живущему, ни усопшему. Дождемся ли мы вас под наше роскошное небо, хотя на несколько дней отогреть душу, без сомнения, уставшую от жестоких ласк севера, хотя и родственных?» – Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). [М.; Л.], [1937–1952]. Т. 11. Письма, 1836–1841 / Ред. Н. Ф. Бельчиков, Н. И. Мордовченко, Б. В. Томашевский. 1952. С. 156–157.

поскольку там находилась православная греческая церковь⁵⁶. Однако самый известный умерший во время «целительного тура» – наследник российского престола великий князь Николай, сын императора Александра Второго, скончавшийся в Ницце в 1865 г. К умирающему сыну-цесаревичу приехала императрица со своими младшими детьми, а те были под надзором гувернанток – и прежде всего, известной британской няни Китти – Екатерины Струтон, через руки которой за 22 года прошли 6 императорских детей, начиная с Николая, которого его бывшая няня увидела в последний раз умирающим в Ницце (именно в таких выражениях после кончины Струтон в 1891 г. написал своему сыну Цесаревичу Николаю император Александр III: она прожила «в нашем доме 46 лет, из которых 22 года подряд нянчила нас шестерых»⁵⁷. «Нам всем братьям было очень грустно и мы проводили ее из Зимнего Дв<орца> в Английскую церковь, а потом поехали на Смоленское кладбище, где ее и схоронили!»⁵⁸).

Гувернантки могли сопровождать детей больной туберкулезом хозяйки в аналогичном «целебном туре». Так, умиравшая от чахотки Александра Андреевна Воейкова (урожденная Протасова, (1795–1829)) посетила практически все европейские курорты, специализировавшиеся на лечении именно этой болезни: она была и в Германии, и в Швейцарии, и в Италии⁵⁹. Дети с гувернанткой Miss Parish⁶⁰ были рядом, сопровождая мать в ее перемещениях в поисках подходящей обстановки – сначала из одной климатической зоны в другую, потом из одного населенного пункта в другой, потом, в соответствии с новейшими медицинскими рекомендациями, к спальному месту в коровнике, теплый и влажный воздух которого должен был исцелить ее легкие... В прекрасных курортных городах, о которых Александра Воейкова мечтала в России, она сидела дома, не в силах выйти, а гувернантка ходила на танцы, заводила знакомства и рассказывала хозяйке о достопримечательностях. Город «знаю по рассказам Miss Parish»⁶¹, – жаловалась Воейкова своему верному другу и по совместительству дяде известному российскому поэту Василию Андреевичу Жуковскому. Почувствовав себя хозяйкой положения при больной госпоже, гувернантка пыталась

⁵⁶ См. подробнее: *Архимандрит Августин (Никитин)*. Ливорно // Нева. 2014. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2014/10/19a.html> (дата обращения: 03.02.2017)

⁵⁷ Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. IX. М., 1999. С. 229.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ А.А. Воейкова была похоронена на греческом кладбище в Ливорно.

⁶⁰ *Соловьев Н.В.* История одной жизни (А.А. Воейкова – «Светлана») // Русский библиофил. 1915. № 3. С. 56–57.

⁶¹ Письмо А.А. Воейковой В.А. Жуковскому 8 / 20 октября 1828 г. // Русский библиофил. 1915. № 5. С. 31.

играть роль «первой скрипки», заводя знакомства, приглашая гостей в дом и поучая больную Воейкову. Только в письмах Жуковскому Воейкова могла пожаловаться: «Я описала тебе наши танцклассы и описала тебе здешнего богача M-r Stull, бывшего английского портного, у которого теперь 700 тысяч годового дохода. Его племянник, и вероятно наследник, глупейший Schneidergesell (подмастерье портного – *О.С.*) какого я только видела, англичанин, повадился ходить танцевать, хотя ему лет 25. Miss Parish, которой он носит английские газеты, таяла как молодая свечка, тем более, что он с ней много разговаривал и любезничал. Она видела в нем курмастера, а может быть ..! чем черт не шутит. Miss Parish стала после танцев звать его ко мне чай пить, я решила ей сказать, что это общество мне не нравится, что он тривиален и глуп. Тут вышла беда!!! Miss Parish упрекала что я его не люблю потому что он ея компатриот»⁶². Вот так на средиземноморском курорте происходила смена ролей: умирающая хозяйка отходила на задний план, а первой становилась гувернантка.

Заключение

Итак, гувернеры и гувернантки, выходцы из Средиземноморского региона, были крайне малочисленной группой в среде иностранных воспитателей, трудившихся в Российской империи, а отзывы об их профессионализме носят противоречивый характер. Итальянский язык, тем не менее, мог входить в круг предметов, которые знали и могли преподавать иностранные учителя (совершенно необязательно итальянцы по происхождению). Некоторое количество русских дворян изучало итальянский язык, но степень его распространенности несопоставима с французским, немецким и английским. При этом посещение Средиземноморья могло быть частью образовательного заграничного турне, осуществляемого под надзором гувернера. Теплые средиземноморские страны посещали и в рамках «целительного тура» – как больные дети под присмотром воспитателей, так и больные взрослые, сопровождаемые детьми с их иностранными наставниками. Таким образом, иностранные гувернеры и гувернантки являлись для русских дворян одним из каналов восприятия Средиземноморского региона, а само Средиземноморье то пейзажами, то музыкой отражалось в деятельности иностранцев, трудившихся домашними учителями в России.

Список литературы

1. *Абрамова И.И.* Значение «Гранд-тур» в образовании и воспитании джентльмена // Ярославский педагогический вестник. 2006. № 3. С. 75–82.

---

⁶² Письмо А.А. Воейковой к В.А. Жуковскому 2 мая 1828 г. // Русский библиофил. 1915. № 4. С. 46.

2. *Алексеев М.П.* Английский язык в России и русский язык в Англии // Ученые записки ЛГУ. Сер.: Филологические науки. Вып. 9. 1944. С. 77–137.
3. *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) // Литературное наследство. Т. 91. М.: Наука, 1982. 863 с.
4. *Архимандрит Августин (Никитин).* Ливорно // Нева. 2014. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2014/10/19a.html> (дата обращения: 03.02.2017)
5. *Ефимова Е.Ш.* Положение гувернанток и учительниц в Великобритании последней трети XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 23 (238). История. Вып. 47. С. 164–168.
6. *Жанэ Д.К.* Французский язык в России XVIII в. как общественное явление // Вестник Московского университета. 1978. Сер. IX: Филология. № 1. С. 62–70.
7. *Ковригина В.А.* Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII века. М.: Археографический центр, 1997. 440 с.
8. *Кросс Э.* Британцы в Петербурге: XVIII век / Пер. с англ. Н.Г. и Ю.Н. Беспярых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 528 с.
9. *Луковская Д.И., Гречишкин С.С., Морозов В.И.* М.М. Сперанский: краткий очерк жизни и деятельности // М.М. Сперанский: Жизнь, творчество, государственная деятельность: (Сборник статей). СПб.: Нестор, 2000. С. 3–66.
10. *Ноткина О.Ю.* Аббат Николь – первый директор Ришельевского лицея. Биобиблиографический указатель // Вестник Одесского национального университета. 2007. Т. 12. № 4. С. 96–107.
11. *Ржеуцкий В.С.* Социальные сети во французском землячестве в России (вторая половина XVIII в.) // Франция и французы в Санкт-Петербурге, XVIII–XX вв. СПб.: Европейский дом, 2005. С. 293–314.
12. *Ржеуцкий В.С.* Французские гувернеры в Академии художеств в 1760–1770 гг. // Восемнадцатый век как культурно-исторический феномен (Проблемы изучения). Сборник научных трудов / Науч. ред. Е.Б. Мозговая. СПб.: Российская Академия художеств, СПб академический Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, 2002. С. 65–74.
13. *Ржеуцкий В.С., Сомов В.А.* Французы в России в эпоху Просвещения (материалы к истории русско-французских связей 1760–1780-х гг. из архива французского посольства в Санкт-Петербурге) // Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской Национальной библиотеки / Под ред. Л.И. Киселевой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 285–300.
14. *Соловьев Н.В.* История одной жизни (А.А. Воейкова – «Светлана») // Русский библиофил. 1915. № 3. С. 7–68.
15. *Солодянкина О.Ю.* Иностранцы гувернантки в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX века). М.: Academia, 2007. 512 с.
16. *Солодянкина О.Ю.* Социальное положение иностранных наставников в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2008. № 2. С. 10–24.
17. *Солодянкина О.Ю.* Французские гувернеры и гувернантки в Московском и Петербургском учебных округах (1820-е – 1850-е гг.) // Французский ежегодник 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 127–149.
18. *Стефко М.С.* Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII – первой четверти XIX веков: автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 28 с.

19. Тестаччо. Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме. Алфавитный список русских захоронений / Сост. В. Гасперович, М.Ю. Катин-Ярцев, М.Г. Талалай, А.А. Шумков. Сер.: Российский некрополь. Вып. 6. СПб.: ВИРД, 1999. 160 с.
20. Тихонова А.В. Швейцарские учителя в России первой половины XIX в. // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 142–147.
21. Французский ежегодник 2011: Франкоязычные губернеры в Европе XVII–XIX вв. М.: ИВИ РАН, 2011. 470 с.
22. Чудинов А.В. Французские губернеры в России конца XVIII в.: стереотипы и реальность // Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С.Я. Карп, С.А. Мезин. М.: Наука, 2004. С. 330–334.
23. Grand Tour: путешествие как культурный феномен / Сост. и общ. ред. В.П. Шестакова. СПб.: Алетейя, 2012. 302 с.
24. Argent G., Offord D., Rjéoutski V. The Functions and Value of Foreign Languages in Eighteenth-Century Russia // The Russian Review. 2015. Vol. 74. No. 1. Pp. 1–19. DOI: 10.1111/russ.10752
25. Brandon R. Other People's Daughters: The Life and Times of the Governess. London: Weidenfeld & Nicolson, 2008. 336 p.
26. Cross A.G. “By the banks of the Neva”: chapters from the lives and careers of the British in eighteenth-century Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 474 p.
27. Cross A. Early Miss Emmies: British Nannies, Governesses and Companions in Pre-Emancipation Russia // Anglo-Russica. Aspects of Cultural Relations between Great Britain and Russia in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries. Selected Essays by Anthony Cross. Oxford: Berg, 1993. P. 222–244.
28. Cross A. English – A Serious Challenge to French in the Reign of Alexander I? // The Russian Review. 2015. Vol. 74. No. 1. Pp. 57–68. DOI: 10.1111/russ.10756
29. Dahmen K. The Use, Functions, and Spread of German in Eighteenth-Century Russia // The Russian Review. 2015. Vol. 74. No. 1. Pp. 20–40. DOI: 10.1111/russ.10754
30. Gathorne-Hardy J. The Rise and Fall of the British Nanny. L.; Sydney; Auckland; Toronto: Hodder and Stoughton, 1972. 350 p.
31. Hardach-Pinke I. Die Gouvernante: Geschichte eines Frauenberufs. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 1997. 310 p.
32. Holden K. Nanny Knows Best: The History of the British Nanny. Stroud: The History Press, 2013. 256 p.
33. Hughes K. The Victorian governess. London ; Rio Grande, Ohio: Hambledon Press, 1993. 278 p.
34. Le précepteur francophone (en Europe XVIIe–XIXe siècles). Paris: L’Harmattan, 2013. 456 p.
35. Offord D., Ryazanova-Clarke L., Rjéoutski V. and Argent G. (eds), French and Russian in Imperial Russia. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. 2 vols.
36. Pitcher H. When Miss Emmie was in Russia. English Governess Before, During and After the October Revolution. L.: Century Publ.; Toronto; Lester & Orpen Dennys, 1984. 241 p.
37. Renton A. Tyrant or Victim? A History of the British Governess. London: Weidenfeld and Nicolson, 1991. 192 p.